

В. Т. МЕДВЕДЕВ

Человек за спиной

<Фрагменты>

Август 1991 года. Последний отдых в Форосе Президента СССР. Буквально через несколько дней рассеются, как дым, улетучатся и президент, и СССР. Ни мы, охрана, ни он даже не представляем этого. Август — один из самых трагических месяцев нашей жизни. Все лето было очень тревожным. Михаил Сергеевич готовился к подписанию союзного договора. Шли бесконечные совещания. И в июне, и в июле обстановка в столице складывалась напряженно. Начались сильнейшие нападки на партию, один за другим проходили шумные митинги. Повсюду кричали о привилегиях.

<...>

Жена очень надеялась, была даже почти уверена, что в такое тревожное время Михаил Сергеевич отменит свой отпуск в августе, перенесет на более позднее время. Она вспоминала потом: — Неужели Горбачев ничего не видел вокруг, не знал, не понимал, что происходит в собственной стране? Я — видела, знала, понимала, а он — нет? Что это — полное незнание жизни своих сограждан, обычная его самоуверенность? Подумать только, останься он в этот период в Москве и — ничего бы не случилось.

<...>

Вся страна, пожалуй, угадывала развитие событий. Тем более недавно состоялось что-то вроде генеральной репетиции: десантные и прочие воинские части стянулись к Москве, депутаты предупредили Горбачева, но министр обороны Язов с трибуны депутатского съезда объяснил ситуацию по-детски просто: армия стянута к столице в связи с сельскохозяйственными работами в Подмосковье. Не надо бы уезжать Горбачеву, не надо. 20 августа — подписание Союзного договора. Тот же Язов 17 августа после встречи у Крюкова на секретном объекте КГБ «АБЦ», уезжая в 18.15, бросил в машине фразу: «Подписал бы договор, а потом в отпуск отправ-

лялся. И все было бы хорошо...» Странные, кажется, сочувственные слова, сказанные как будто подневольным участником заговора. Вся страна предчувствовала грозу, единственный человек ничего не ожидал и не понимал — тот, которому на стол выкладывали всю (!) без исключения информацию. Даже зная о положении в стране через камердинеров, можно войти в курс дела. Самоуверенность, самовлюбленность, преступное легкомыслие — все тут сошлось.

Трудно, наверное, подозревать заговор в среде людей, которых ты сам выбрал в сподвижники, проталкивал на верхние ступени, часто — с нескольких попыток, вопреки воле народных депутатов. Трудно поверить в заговор, когда те же, свои люди, к которым привык, провожают тебя в аэропорт с тем же почетом, говорят те же слова, а по прилете — такая же, как всегда, дружеская встреча. В Бельбеке в аэропорту президента встречала свита: Украину представляли Гуренко — первый секретарь ЦК КП республики, Кравчук — второй секретарь ЦК КПУ, Галушко¹ — председатель КГБ Украины; крымское руководство — Багров, председатель Верховного Совета, Курашик² — председатель Совета Министров, Грач³ — первый секретарь республиканского комитета партии, Хронопуло⁴ — командующий Черноморским флотом, Ермаков⁵ — председатель горисполкома Севастополя. Встречавшие горячо приветствовали высокого гостя. Как всегда, как обычно, здесь же, в Бельбекском аэропорту, организовано было застолье, здравицы партийных и государственных деятелей, по сути, мало отличались от прежних, давних, правда, вместе с тостами за партию звучали и тосты за единый обновленный Союз. Лишь одного человека в этой компании я не знал в лицо — сорокалетнего Леонида Ивановича Грача, самого молодого среди всех, избранного на местном пленуме первым секретарем рескома партии совсем недавно. Он просто, почти по-домашнему предложил тост за спутницу и единомышленницу президента. Официальная обстановка исчезла, усталый Горбачев оживился, обкатанные слова сменились человеческими. Михаил Сергеевич вспомнил студенчество, знакомство, более чем скромное житие, свадьбу...

И Михаил Сергеевич, и Раиса Максимовна были довольны встречей. По дороге на дачу, в машине, и он, и она вспоминали: — Смотри, молодой-то! Все шло своим ходом, как всегда. Те же звонки от тех же людей из Москвы. И гости те же. К середине августа подъехал ненадолго земляк, первый секретарь Ставропольского крайкома партии Иван Сергеевич Болдырев⁶. При такой общности, привычности, когда в радиусе одного метра от тебя ничего внешне не меняется, все кажется вечным, а вечнее всего — собственное кресло, не хочется верить ни во что опасное и заглядывать дальше этого одного метра.

Кажется, и я, далекий, от политических интриг, знающий лишь свои прямые обязанности, мог без труда предположить расписание второй половины отдыха. 19-го вылетаем в Москву. 20-го — подписание Союзного договора. Возвращаемся обратно. 22-го — снова здесь. 22-го — мой день рождения... Я знал, как он пройдет.

Каждый раз я отмечаю день рождения в командировке, при отдыхающем вожде. Во времена Брежнева это было, как правило, в Ливадии, иногда в Астрахани, в охотничьих угодьях. Обычно в первой половине дня кто-то из официанток или obsługi окликает: «Владимир Тимофеевич, вас просит Леонид Ильич». Но чаще Рябенко⁷ говорил: «Володя, зайди». Леонид Ильич жал руку: — Володя, поздравляю! Успехов тебе всяческих, здоровья. — И тут же добавлял: — Ну, здоровье у тебя вроде в порядке. Действительно, здоровье всегда было и осталось отменным. Брежнев вручал подарок, фантазия небогатая, почти всегда это были часы — ручные, карманные, будильник. Поздравляла каждый раз и Виктория Петровна. Однажды оказался рядом Бугаев, он также вручил подарок от себя — часы.

Ребята, конечно, тоже скидываются, поздравляют. Вечером в служебном домике собираемся своей компанией. Весь день звонят товарищи из Москвы, из «девятки»: — Привет, Володя! У одного из наших коллег день рождения 23 августа, а у самого Рябенко — 25 августа. И очень часто 25-го мы устраивали общее застолье. Леонид Ильич иногда спросит в этот день: — Где Рябенко? Кто-нибудь подскажет: — Сидят, отмечают... — А, а, ну пусть, пусть, не зовите. При Горбачеве ритуал сохранился. Очень хорошо, тепло поздравляли и Михаил Сергеевич, и Раиса Максимовна. Подарки стали разнообразнее — столовая посуда, чайный сервиз. Если Брежнев мог забыть иногда о моей дате и Рябенко ему напоминал, то Горбачевы — и он, и она — помнили, я даже удивлялся этому. Однажды вечером я с Михаилом Сергеевичем плавал, и он сказал вдруг: — А ты чего, у тебя ж день рождения? Иди, отдыхай. На октябрьские и майские праздники Раиса Максимовна передавала для моей жены Даны цветы. В этом отношении они оба были внимательны. Когда исполнилась круглая дата, мне вручили орден Красной Звезды. Боевая награда — очень дорога мне. Мы прилетели в Форос 4 августа, и буквально на второй день Плеханов заговорил вдруг о моем самочувствии: — У тебя усталый вид. Как твоё состояние, как нервы? — Год без отпуска, — ответил я, — год был напряженный. — Отдохнуть бы тебе надо, — неожиданно сказал начальник управления. Меня подобная неожиданная забота удивила. Все годы ни он, ни другое руководство подобных разговоров не заводили, раньше декабря вопрос об отпуске вообще не возникал. — Отдо-

хнуть бы не мешало, но так не делается, — заметил я. — Только прилетели, едва началась командировка, и вдруг — все бросить, сорваться, уехать... Такого еще не бывало. Сам Плеханов должен был через пару дней возвращаться обратно в Москву. — Ну, я поговорю с Михаилом Сергеевичем. — Не надо, я думаю, что он отпуск не даст. Такая настоящая, почти настырная забота. Только потом, после событий 19 августа, я всё понял. Когда Горбачева еще только отправляли на отдых, план заговора уже существовал, я в этот план никак не вписывался, и меня решили выманить из Фороса. Думаю, что Плеханов хотел забрать меня в Москву вместе с собой. На следующий день он действительно завел разговор с Горбачевым о моем отпуске и получил резкий отпор:

— Он что, больше всех устал? Мне Плеханов передал в мягкой форме: «Михаил Сергеевич отказал...» Горбачев сам ни о чем у меня не спрашивал, а я тем более в объяснения не вступал, но он остался недоволен мною, я понял это по его холодности ко мне. Глупо. Тем более что никогда таких проблем не возникало. Горбачев и сам часто говорил: «Ты пока в отпуск не собирайся, предстоят сложные поездки. А потом мы к этому вернемся».

...Наверное, потом у Михаила Сергеевича какие-то подозрения пали и на меня — в соучастии!.. Все, дескать, уже знал, хотел смыться...

При Брежневе, кстати, подобной ситуации бы не возникло, хотя он, как и Горбачев, давал отпуск с неохотой. Там начальник охраны о своем отпуске спросил бы у шефа сам, непосредственно. Здесь же Горбачев, отдалив меня, сделал Плеханова доверенным лицом по всем вопросам, даже по моим отпускным делам. Я оказался маленьким винтиком. История с Плехановым — еще один факт непонимания людей, неразборчивости и полной слепоты Горбачева. Две недели спустя это скажется роковым образом. Плеханов, впрочем, стараясь сблизиться с Горбачевым, занимаясь даже мелкими хозяйственными и бытовыми вопросами, тоже становился винтиком, хоть и покрупнее. Вот в чем принципиальная разница между Брежневым и Горбачевым: Брежнев был ближе к людям, непосредственнее. Другое дело: мягкий — жесткий, справедлив — несправедлив, прав — не прав, но ближе. Михаил Сергеевич высокомерно-холодно надулся, не снизойдя до объяснений с начальником личной охраны. Брежнев бы спросил у верного ему Рябенко: «Ты что?!»

Отдых проходил, как всегда, размеренно. Михаил Сергеевич вставал довольно поздно, часов в восемь. Около девяти — завтрак. Первыми к морю спускались Ирина, Анатолий, Ксана. После десяти — Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной. Он — в легкой рубашке, шортах, туфлях «сабо» на босу ногу, на голове — легкая кепочка цвета хаки. На пляже он оставался в плавках, брал в руки

книгу и так, стоя, загорал. Просматривал газеты, свежая почта приходила около часа дня. Раиса Максимовна, лежа, читала у моря. В воду они входили всегда вместе. Он надевал резиновую шапочку, плавал долго, часто резвился в воде, уплывал вперед, возвращался к Раисе Максимовне, которая плавала спокойно, академично. Каждый раз, возвращаясь на берег, спрашивали у меня, сколько они пробыли в море. Обычно купались минут сорок. Он плавал хорошо, мог бы побыть в море и подольше, но его донимал хондроз.

После купания — душ. Потом — массаж, сначала он, потом — она. После массажа — отдых, потом — работа в кабинете. В 15.00 — обед. На веранде, на северной стороне, солнце уже уходило, оставляя тень. После обеда работал. Я заносил ему документы от Черняева — его помощника. С пяти до семи вечера Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной гуляли по терренкуру или шли к морю. Потом — ужин и снова прогулка. Одевался Михаил Сергеевич предельно просто, весь набор его одежды — несколько пар спортивных маек, свитеров, летних брюк, кроссовок и летних туфель. Да, и еще, конечно, шорты. На подмосковной ли даче или в Крыму — в спортивных майках и кроссовках. К вечеру, если было прохладно, набрасывал курточку и обязательно надевал кепку или спортивную шапочку. Он почему-то очень боялся за голову, даже в теплое время надевал головной убор. В зимнее время особенно утеплялся, шапку-ушанку подвязывал под подбородком.

Будучи непритязательным в одежде, когда речь шла о новом костюме, он становился требовательным, даже придирчивым. Портные являлись работниками 9-го управления КГБ, несмотря на то, что у Михаила Сергеевича было много претензий к их работе, брать кого-то другого со стороны он не хотел. Видимо, опасался лишней утечки любой информации при новых мастерах. Брежневу шили костюмы в Доме моделей — и из нашего материала. и из импортного, и я предлагал этот вариант.

— Нет, не надо, — отвечал Горбачев, — пусть шьют ребята. Сложность состояла в том, что под Горбачева подгоняли готовые импортные костюмы. Подгонять труднее, чем шить, тут и малые допуски на швах, и разная технология пошива, прочие трудности. Многочисленные примерки, исправления, тут Михаил Сергеевич был терпелив, время — когда нужно, сколько нужно — уделял безоговорочно. Главным приемщиком была Раиса Максимовна. Она распекала мастеров, не стесняясь. Иногда, кажется, все было хорошо, нам всем нравится, главное, и ему нравится, а она — нет. И почти всегда она оказывалась права. Вкус у нее, безусловно, был хорошим. Собирались в отпуск обычно на подмосковной даче. Иногда Михаил Сергеевич надевал в дорогу костюм, галстук. Но уже

в пути, прямо в автомашине, сбрасывал пиджак, расстегивал ворот, снимал галстук. Непритязателен был в этом смысле.

В летнем кинотеатре под открытым небом прямо перед ними на столе лежал список фильмов с краткой аннотацией, иногда между членами семьи затевалась дискуссия — какой фильм смотреть. Обычно шли друг другу на уступки. Случалось, начинали смотреть кино; потом давали знак киномеханику, просмотр прекращали, заказывали другой фильм. Ложился спать в час-полвторого. То есть даже на отдыхе спал часов шесть-семь, не больше. Два генеральных были не просто разными, но прямо противоположными. На службе: Брежнев, особенно в последние годы, многие вопросы передоверял своим сподвижникам. У Горбачева же — все в руках, мобильный, моторный, даже в машине — звонит, времени даром не теряет. Тот о многом не знал, забывая, этот все держал в голове.

На отдыхе — все наоборот. Брежнев — лихие скорости за рулем, десятки километров лесных завалов или по глубокому снегу в поисках раненого зверя, многочасовые купания в штормовом море. И будучи больным, Брежнев не отказывался от своих пристрастий, в последнее перед смертью лето 1982 года он так же далеко и подолгу плавал даже в плохую погоду. Горбачев же, молодой и сильный, вел на отдыхе жизнь размеренную, скучную. Весь был запрограммирован, законсервирован, лишен обыкновенных человеческих страстей. В охотничьем Завидове он бывал несколько раз — погулять. Один раз, вскоре после прихода к власти, Михаил Сергеевич охотился. Вроде бы понравилось. Но шла волна разговоров о барских забавах Брежнева, и Горбачев перестал ездить в Завидово. В Крыму он купался дважды в день — перед обедом и ужином, по полчаса. Все по программе, как автомат. Мне кажется, мало они оба бывали на воздухе. Ну, посиди ты лишний час у моря. Я им обоим сочувствовал, а его — даже жалел. Весь год вкалывает, вечерами иногда как выжатый, как из горячего цеха. Даже рубашку мокрую иногда менял. Очень часто возвращался после работы на дачу часам к десяти вечера. Работал много, напряженно. После пленумов или съездов иногда уединится с кем-нибудь — душу отводит. Он уже даже читал стоя — уставала спина: остеохондроз. Раза два в месяц все же выбирался в театр. Культурным досугом его занималась Раиса Максимовна.

<...>

...17 августа они возвращались вечером с пляжа. Видимо, все уже обсудили.

— Володя, послезавтра, девятнадцатого, в час будем вылетать, — сказал Михаил Сергеевич. — Когда надо с дачи выезжать? — Ну, ехать минут сорок. Если вы особо прощаться ни с кем не будете,

в двенадцать выедем. Я тут же связался с Москвой, с В. Генераловым⁸, заместителем Плеханова. — Я за вами этим же самолетом и прилечу, — ответил он. — Заеду на дачу. Так было заведено уже при Горбачеве. Когда он возвращался откуда-либо в столицу, за ним обязательно прилетал кто-либо из руководства московской «девятки». Для чего так перестраховывались, я не понимал, но дело не мое, порядок есть порядок. Помощник президента А. Черняев попросил меня связаться с другим помощником — Г. Шахназаровым, который отдыхал в санатории «Южный», в десяти минутах езды от нас. Я сообщил ему о времени вылета и о том, что он должен лететь с Горбачевым.

18 августа также был обычным днем. Около одиннадцати часов Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна спустились к морю. Она, немного отдохнув, стала плавать, а он читал на берегу книгу. Через час с небольшим они отправились к дому. По дороге еще раз уточнили время отъезда и вылета. Я вернулся к себе в кабинет, отдал ряд распоряжений, касающихся отъезда. Пообедал. В 14.30 позвонил жене в санаторий «Форос». Договорился, что сегодня в девять вечера я постараюсь к ним подъехать, поскольку завтра вылетаю в Москву.

<...>

Примерно через два часа мне позвонил дежурный по объекту: — Владимир Тимофеевич! Пограничникам поступила команда: через резервные ворота дачи никого не выпускать! — От кого поступила команда? — Не знаю. Я стал выяснять, и в этот момент в кабинет ко мне вошли оба моих начальника — Плеханов и Генералов...

Только что, недавно я говорил по телефону с Москвой — с Генераловым, обо всем договорились, и вдруг он здесь вместе с Плехановым. Мы поздоровались, и я сразу же спросил: — Кто отдал команду перекрыть выход? — Я. — Плеханов улыбался. — Не волнуйся, все в порядке. Когда на объект приезжает начальник управления, все бразды правления переходят к нему, он имеет право отдавать любые распоряжения любому посту. Формально тут не было никаких нарушений или превышения власти, по существу же — я, начальник охраны, оказываюсь не в курсе. — К Михаилу Сергеевичу прилетела группа, пойдя, доложи. — А кто приехал? По какому вопросу? Как доложить? — Не знаю... У них какие-то дела... Плеханов нервничал, я заметил, но отнес это к важности дела, по которому они прибыли. Это теперь уже, спустя время, я анализирую — нервничал, волновался, беспокойный был какой-то, а тогда это все мелькнуло и ушло.

— Ну ладно, — сказал Плеханов после паузы, — мы пойдем к нему. — Как же вы пойдете, надо же доложить. — Ну иди, доложи. Он назвал прибывших — Шенин, Бакланов, Болдин, Варенников. Перечень имен исключал всякие подозрения, больше того — успо-

каивал. Во-первых, сам Плеханов — доверенное лицо Горбачева. Шенин. Личность сама по себе интересная, неординарная Горбачев прилетал к нему; когда тот был еще первым секретарем Красноярского крайкома партии И встреча, и проводы были теплыми, дружескими. Горбачев взял его в Москву и поставил не куда-нибудь, а заведующим отделом оргпартрabоты, то есть доверил все кадровые вопросы. В Москве оба сохраняли близкие отношения.

Бакланов. У меня с ним сложились добрые отношения. Он — человек в принципе дружелюбный, при встрече тепло здоровался. Секретарь ЦК, ведал военно-промышленным комплексом, космосом. Со всякой информацией звонил Горбачеву, иногда через меня. Если его нет, просил: запиши, доложи то-то и то-то. И во время отпуска Горбачева поддерживал с ним связь.

Болдин. Начальник аппарата президента. Весь повседневный календарь — у него. Он заходил к Михаилу Сергеевичу и ни разу не сказал секретарю: «Доложи, что я здесь». Входил прямо, без доклада.

Генерал Варенников. Тоже из ближайшего окружения. Все — свои. Самые, самые свои. Плеханов остался у меня в кабинете, в гостевом доме, остальные находились в комнате отдыха. Я направился к Михаилу Сергеевичу. Он сидел в теплом халате, читал газету. Дня три-четыре назад его прихватил радикулит, то ли переохладился, то ли просто ветер дунул. Возвращался после прогулки, поднял ногу на ступеньку и охнул.

— Михаил Сергеевич, разрешите? — Заходи. Что там? — Прибыла группа. — Я назвал по именам. — Просят принять. Он удивился: — А зачем они прибыли? — Не знаю. Горбачев надолго замолчал. Я стоял около минуты. Он что-то заподозрил. Почему же не захотел посоветоваться, прикинуть варианты: Володя, задержись, потолкуем. С кем приехали — одни, с «Альфой»? Какой был разговор? Не уходи. Будь со мной и выполняй только мои распоряжения. Или, если разговор секретный: возьми своих ребят и будьте рядом, наготове. Мне кажется, какой-то предварительный разговор о том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение, у них с Горбачевым был, может быть, в самой общей форме. Ведь они прилетели не арестовывать президента, а договориться с ним, уговорить его поставить свою подпись. Раз летели, значит, надеялись. Что же, в итоге не сошлись в формах и методах? Ни они не знали, чем кончится разговор, ни он не знал, поэтому не счел нужным переговорить со мной. Тут еще подвела его и отчужденность с охраной — общение лишь через Плеханова, и вечная привычка советоваться с Раисой Максимовной. Он же после минутного раздумья и легкого замешательства пошел к ней в спальню...

А я отправился обратно к себе в кабинет. Так и вышло по его теории: меньше знаешь — лучше спишь... В кабинете у меня по-прежнему сидел Плеханов. Я сказал, что приказание выполнил, доложил, но Михаил Сергеевич не сказал ни «да», ни «нет».

Плеханов сам повел группу к Горбачеву. Вскоре вернулся, сказал, что Михаила Сергеевича в кабинете нет, и попросил меня пойти в главный дом и разыскать Горбачева. Я ответил, что он, видимо, в спальне, не исключено, что переодевается. — Подождите, он выйдет. Время шло, Михаил Сергеевич не появлялся. Начальник управления снова попросил сходить, выяснить. Я снова отказался: — Ходить по дому и искать президента не буду. Хождения в главный дом были строго ограничены, что вполне справедливо: семья находится на отдыхе, и каждое чужое появление сковывает и раздражает.

Появился Болдин: — Нет его, пойдй найди. — В спальную комнату не пойду. Опять подключился Плеханов, в два голоса они настояли:

— Ну посмотри. Люди же ждут. Вместе с ними я снова поднялся в дом. Вся группа по-прежнему сидела в холле. О чем-то негромко переговаривались, вполне спокойно, без видимого напряжения. Я уловил главное: в Москве что-то случилось, но нашей службы это не касается. Болдин и Плеханов присоединились к группе, а я направился в кабинет. Опять — пусто. С минуту постояв, развернулся и мимо всех молча направился к себе. Вскоре вернулся Плеханов.

— Что случилось-то? — снова попытался я выяснить. — Да дела какие-то у них...

Заговорили о повседневных заботах. Я рассказал о радикулите, как это произошло. Как еще раньше Раиса Максимовна вызвала начальника отдела и велела заменить хрустальные люстры в домике на пляже на другие — попроще. И опять в тон общего разговора спросил:

— Для чего группа-то, Юрий Сергеевич? Он снова засмеялся и повторил: — Да успокойся ты, успокойся, все в порядке. Тут я снял домофонную трубку. У Горбачева должен загореться огонек, если он на месте — поднимет трубку...

Но Плеханов объявил: — Не трогай. Телефон не работает. Тут я понял: хрущевский вариант. Вся связь отключена. Мы вышли на улицу, остановились возле нашего подъезда. На выходе из гостевого дома появились визитеры.

Плеханов громко, через дорогу, спросил:

— Ну, что там?

Болдин так же громко ответил:

— Да ничего... Нет, не подписал.

Ответил разочарованно, но спокойно, как будто и предполагал, что так оно, вероятно, и будет. Плеханов двинулся им навстречу, и они о чем-то беседовали. Если бы Михаил Сергеевич хотел изменить создавшееся положение! Ребята были у меня под рукой. В моем подчинении были резервный самолет «Ту-134» и вертолет. Технически — пара пустяков: взять их и в наручниках привести в Москву. В столице бы заявили, и там еще можно было накрыть кого угодно. Было еще только 18-е... Что же Горбачев — не смекнул? Не знал исхода? Но как же тогда мы, охрана, могли догадаться? Для меня, как начальника охраны, главный вопрос: угрожало ли что-нибудь в тот момент жизни президента, его личной безопасности? Смешно, хотя и грустно: ни об угрозе жизни, ни об аресте не могло быть и речи. Прощаясь, обменялись рукопожатиями. Делегация вышла от Горбачева хоть и расстроенная, но, в общем, довольно спокойная: не получилось, и ладно, они этот исход предполагали. Что будет дальше, не знали ни Горбачев, ни те, кто к нему пожаловал. О чем они там советовались после неудавшейся беседы — не знаю. Плеханов двинулся ко мне и завел в кабинет:

— Михаил Сергеевич продолжит отдых. Генералов остается начальником охраны на объекте, а вместо тебя... кого ты оставляешь? Вошел Климов.

— Вот, Олег будет выполнять твои обязанности. А тебе — три минуты на сборы, полетишь с нами в Москву.

Я — работник КГБ. Генерал КГБ. Там, в КГБ, я получал зарплату, много лет назад там, в КГБ, я давал присягу и этой могущественной организации был всецело подчинен. Более того, именно Плеханов непосредственно ввел меня в кабинет Горбачева, и он же своей властью отстраняет меня от работы. Разговоры о том, чтобы вывести охрану Президента СССР из-под крыши КГБ, велись давно. Александр Николаевич Яковлев убеждал в этом Горбачева. Во всех цивилизованных странах охрана подчинена президенту. Мы, охрана, и я в том Числе, были «за». А Плеханов — против.

— Президента станет охранять только его личная охрана, — говорил он Горбачеву, — а так этим занимается весь КГБ.

Теперь с моей стороны речь шла об элементарной воинской дисциплине. — Это приказ? — спросил я.

— Да! — ответил Плеханов. — Вы меня отстраняете? За что? — Все делается по согласованию.

— Давайте письменный приказ, иначе не полечу. Дело серьезное, вы завтра откажетесь, а я как буду выглядеть?

Плеханов взял лист бумаги, ручку, сел писать.

— У меня вещи на пляже, — сказал я. — Пришлют. Три минуты на все.

Я собирал то, что было под рукой, а он писал приказ.

Вошел Болдин:

— Поехали!

Плеханов:

— Сейчас. Один момент.

Он протянул мне письменный приказ.

— На, ознакомься.

Арест — не арест? Оружие не отобрали. Я достал из сейфа пистолет и подвесил его на ремне. У выхода из дома увидел доктора.

— Не поминайте лихом. Будьте здоровы. Конечно, мои начальники хорошо понимали, что оставить меня на даче нельзя, наговор с ними я бы никогда не пошел, продолжал бы служить президенту верой и правдой, как это было всегда. Это значит, что я обязательно организовал бы отправку Михаила Сергеевича в Москву, не говоря уж о налаживании связи со всем миром, повторяю, и экипажи дежурных самолета и вертолета, и все наличные силы на территории дачи подчинялись мне. Могу поставить себе в достоинство: мои шефы, зная меня хорошо, даже не пытались войти со мной вговор. Выехали на трех «Волгах». На заднем сиденье возле меня сидел Плеханов, впереди — начальник крымской «девятки» полковник Лев Толстой. По дороге ни с кем не обмолвился ни словом. В Бельбеке подошел ко мне Шенин:

— Чего такой грустный-то?

— А чему радоваться? Вас никогда не арестовывали?

Он заулыбался:

— Да брось ты. Я отошел в сторону, один — ото всех. Состояние идиотское. Душила обида. Меня подставили, предали. Все делали за моей спиной и ничего мне не объяснили. Компания прибывших держалась вместе, по-прежнему беседовала спокойно, во всяком случае внешне. Теперь ко мне подошел Бакланов, и разговор повторился почти дословно.

— Чего грустишь-то?

— А чему радоваться?

— Да мне тоже, знаешь, неприятно... — сказал он неожиданно вполне по-человечески.

В аэропорту пробыли минут пятнадцать. Варенников остался, а остальные четверо сели в самолет. Начальник местной «девятки» мое положение знал. Другой бы на его месте не подошел, а Толстой предложил: «Давайте помогу». — «Давай, давай, полковник, помоги последний раз». Он взял мой чемоданчик и занес в самолет. Что-то успокаивающее говорил мне, я что-то отвечал — не помню. Он пожелал мне: «Ну, счастливого пути», и ушел. Я сел в самолет, в отдельную кабину, и уставился в иллюминатор. Приземлились

под Москвой, на Чкаловском аэродроме. Все отправились в Кремль, и мне Шенин предложил: «Садись, поехали». Но в Кремле я оказался не у дел.

— Поезжай. Будь дома, — сказал Плеханов. Отправился на служебную дачу в Заречье. Там встретила меня Елена Федоровна, Данина мать, и я сказал ей, что отозван с работы. Много я размышлял потом. А если бы Горбачева действительно приехали арестовывать? Силой? Мы бы не дали. Завязалась бы борьба. Но если бы Крючков или его заместитель, или тот же Варенников предъявили ордер — мы бы подчинились. Подчинение воинской дисциплине — мой долг, этому я присягал. Если суждено было случиться тому, что случилось, хорошо, что все произошло именно так. Без замыслов ареста, угроз, насилия, шантажа. То есть в данном случае подчинение дисциплине не разошлось с нравственным пониманием долга.

Какая там физическая угроза устранения... Даже душевный покой президента в тот день не нарушили. Мы улетели, а он отправился... на пляж. Загорал, купался. А вечером, как обычно, — в кино.

Забеспокоился он много позже, спустя более суток. То есть вечером 19 августа, когда Янаев на пресс-конференции объявил его, Горбачева, больным...

Ельцин, придя к власти, быстро сделал правильный, очень важный шаг — личную охрану вывел из-под власти КГБ, сделал ее действительно личной, подчиненной только ему...

[В. В. Генералов] Исполнительный человек. Потом Генеральный прокурор России Степанков⁹ эту исполнительность Генералова расценит более конкретно и профессионально: Трудно было найти более подходящую фигуру для операции по изоляции президента. Генералов знал «Зарю» как свои пять пальцев, каждый раз готовя дачу для отдыха Горбачева. По характеру служака. Выступая перед сотрудниками охраны «Зари» после отъезда заговорщиков, он так выразил свое отношение к случившемуся: «Если мне скажут: “Стоять смирно!” — буду стоять еще смирнее»...

Утром 19 августа, как и велел Плеханов, я прибыл в Кремль, но он сказал: — Не до тебя. И я на его машине уехал к себе, в Заречье, там собрал вещи и отправился в деревню к родителям. У стариков — тишина, ни газет, ни радио. Телевизор сломался. Меня ничто не интересовало. 20-го в конце дня пришел брат: «В Москве такие дела, а ты здесь сидишь?» 21-го я снова в Москве. Позвонил на дачу Горбачева. Поднял трубку кто-то из моих ребят (там находились и комендант, и мой заместитель), кто — не помню. — Приезжай сюда. Прибыл. Выяснил, что два самолета вылетели в Форос. Решил отправиться в аэропорт — встречать. Связался с Форосом, со своими. Ребята сказали, что с дачи уже выехали, вылет тогда-то...

Внуково-2. Суета. Бегают солдаты. Баранников, Шахрай, Станкевич. Подъехал Бессмертных. Меня удивило, что Баранников — министр внутренних дел, не знал, в каком самолете летит Горбачев.

— Во втором? — спросил он меня.

— В первом.

Подошел Станкевич. — Вы разве здесь? А я думал — там.

— Меня отзывали.

Прилетел самолет, и начался спектакль. Могу в чем-то ошибиться, но, всю жизнь профессионально занимаясь безопасностью первых лиц страны, утверждаю: был поставлен спектакль. Самолет приземлился и встал чуть дальше, чем обычно. Как объяснял потом всей стране Ручкой: «Если вдруг аэропорт блокирован, тут же прямо и взлетаем». Глупость! У них же связь с землей. Там, в воздухе, они все знали — кто встречает, кто где стоит. Подали трап. Открылась дверь. В проем выглянул начальник личной охраны Ручкого и с автоматом наперевес картинно сбегал по трапу вниз. Подошел к Баранникову, о чем-то пошептался с ним и также картинно вбежал обратно — в самолет. Только после этого скова открылась дверь. Появилась личная охрана Горбачева, все — с автоматами наперевес, как будто только что вырвались с боем из тяжелого окружения, за ними появился сам Горбачев, за ним Бакатин, Раиса Максимовна...

Далее — интервью, его знаменитые слова, которые войдут в историю, о том, что там, в Форосе, он «..контролировал ситуацию». Спустили и задний трап, там — тоже охрана. Потом Голенцов, мой второй заместитель, сопровождавший президента, рассказывал, что, когда самолет приземлился, Раиса Максимовна спросила:

— Кто встречает? Голенцов перечислил всех, в том числе и меня.

— А этому что здесь надо? — спросила она. Сойдя по трапу, Михаил Сергеевич прошел взглядом мимо меня, поздоровался с моим заместителем Пестовым. Я спросил Голенцова:

— Как обстановка? — В машине поеду я, — ответил он коротко, — остальное расскажу на даче. Я понял, что моя песенка спета. Кости мои перемолоты там не единожды. Все закончилось. Доехал все-таки с ними до горбачевской дачи — до Раздор. Там еще раз вспомнили Форос, я объяснил, что подчинился письменному приказу. Переговорив с ребятами, уехал, а назавтра снова прибыл на дачу. Комендант Бондарь впервые обратился ко мне на «вы»:

— Михаил Сергеевич просил вас сдать оружие и покинуть территорию дачи.

